

НЕКОТОРЫЕ ПРАВИЛА В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ¹

Ж.-Л. МАРИОН*

I. Границы предмета

В соответствии с задачей данного сборника исследований, мы не претендуем на выработку методологии, которой в идеале должна была бы следовать история философии, равно как и на воспроизведение методологии, которой уже пользовались некоторые наиболее видные ее представители². Мы лишь пытаемся воссоздать некоторые из основных черт метода, используемого в работах по истории философии в течение последних 25 лет.

Именно в этот период мы наблюдаем расцвет исключительного в этом веке интеллектуального поколения (Алькие, Белаваль, Костабель, Дибон, Жильсон, Геру, Гуйе, Вино и др.). Кроме того, мы предпочитаем говорить именно о французской ситуации, и обусловлено это не узостью нашего исследования (далее мы увидим, какого прогресса достигла в этот период его интернационализация), а тем, что Франция сделала нечто большее, нежели просто сыграла определенную роль на мировой арене в качественном и количественном воскрешении этой дисциплины. Мы будем придерживаться преимущественно тех работ, с которыми лучше знакомы, а именно классических текстов по истории философии, распространивших свою плодотворную энергию на эти годы. Таким образом, пусть от нас не ждут комментариев, которые мы с самого начала не обещали дать. В данном случае будет представлен лишь краткий очерк о процедурах исследований, а не их результаты и интерпретации; очерк, ограниченный пространством и временем, в его основе лежит узконаправленная работа и опыт исследователя, столкнувшегося, подобно многим другим, с трудностями, которые ему удалось преодолеть лишь частично, и которые он начинает понемногу прояснять. Мы будем опираться, прежде всего, на идеи, изложенные в наших собственных работах³, однако надеемся при этом прийти к более широким выводам.

II. Доказательство

Как следует уже из названия истории философии – это философская (а не только историческая) дисциплина, которая стремится к убедительности, ибо претендует на выдвижение тезисов, основанных на *доказательствах*. Этим она отлича-

* Жан-Люк Марион – французский философ-феноменолог, теолог, историк философии. Статью, посвященную его творчеству, см. в № 7 за текущий год.

ется от эссе по поводу того или иного автора или какой-либо проблемы по истории идей (без доказательств, без тезисов, к которым можно вновь вернуться), от учебников (тезисы без доказательства) и от *Историй философии*, которые строго доксографичны в своих исчерпывающих амбициях (информация, доказательства, но без чистых нейтральных тезисов), к тому же более характерны для наших соседей (Италия, США), нежели для нас.

1. Условия таких доказательств могут быть определены просто — историк философии должен: а) досконально знать автора; б) не выдвигать никаких положений, которые он не может подкрепить *аргументами* — текстами или их корректной герменевтикой. Первое требование, материально осуществимое, требует лишь времени и памяти. Второе, не имеющее материального выражения, требует куда большего — честности. Так, корректная герменевтика делает необходимым применение «принципа милосердия», ибо интерпретатор должен сначала признать, что изучаемый им автор имеет основание защищать то, что он утверждает вплоть до доказательства от противного, т.е. он по определению является более просвещенным и более глубоким, нежели его интерпретатор (который никогда не должен забывать, что интерпретации устаревают, а великие тексты остаются). Это в конечном итоге предполагает отказ от какой-либо изначальной и остаточной идеологии: начиная с «Материализма и эмпириокритицизма» и вплоть до, как минимум, «Трех реформаторов» и «Спрятанного Бога» (не говоря уже о других, менее известных работах), опыт показал, что отказ от убежденности в собственной исключительности имеет свои основания. В конечном итоге, интерпретатор может нас просвещать по поводу автора или проблемы только в том случае, если он согласен не заставлять своего читателя вновь проделывать уже совершенную им самим работу. Только при этом условии абсолютно оправдано стремление, как говорил Кант, лучше понять автора, чем он сам, избегая смешного и следуя общему герменевтическому правилу.

2. То, что характерно для историка философии в отношении к *interpretandum* (лат. изучаемому. — *Прим. пер.*), применимо и к читателю в отношении к *interpretans* (лат. изучающему. — *Прим. пер.*). Так, читатель должен знать не только рассматриваемые тексты, но и серьезно следовать предлагаемой интерпретации. Чтобы понять ее, ему следует по мере возможности отказаться от всего а priori идеологического. Он должен повторить работу интерпретатора, как интерпретатор должен был повторить изучаемое им учение. Именно поэтому нет в философии «публики», «потребляющей» философию, но не занимающейся ею (в противоположность литературе, экономике или кино): читатель философских и историко-философских текстов должен, таким

образом, философствовать сам. Казалось бы, эти требования самоочевидны, но на практике они часто не соблюдаются.

3. Другая сторона честности состоит в признании невозможности какого-либо доказательства без соблюдения требования добросовестности. Речь в данном случае идет не о психологическом состоянии, а о герменевтическом правиле. Иллюстрацией недобросовестного отношения к исследованию может служить следующее утверждение: «Я демонстрирую вам каждый из элементов доказательства, но не считаю необходимым анализировать их и обсуждать, я отказываюсь делать вывод, поскольку он меня затрудняет». О каком «затруднении» идет речь? О явной идеологической цензуре, имплицитном интеллектуальном запрете, «эпистемологическом препятствии» или отказе от новой парадигмы – все равно. Речь всегда идет о том, чтобы, в конце концов, опспорить очевидное, не уступить ему, потому что оно активно навязывает себя в противоположность картезианскому требованию к познанию, состоящему в признании важности даже гиперболизированного сомнения, ибо сама очевидность его предписывает, и она же его рассеивает, – это этическое требование, ставшее в конечном итоге моральным условием поиска истины. Если же такое «затруднение» не преодолевается, то всякая дискуссия прекращается, поскольку таким образом (как утверждал Аристотель, философ не может спорить с тем, кто отвергает первоначальные принципы дискуссии) происходит отказ от самой рациональности. Недобросовестность может также проявиться в чрезмерной ясности, признании в собственной циничной правдивости: «Я отвергаю любую вашу аргументацию, поскольку я подозреваю, что вы думаете не столько то, что говорите (что я бы в определенных условиях принял), сколько то, чего не говорите, как если бы вы говорили *противоположное* тому, что говорите. И таким образом я свободен от доказательства, которое вы, очевидно, основываете на том, чего вы не говорите, не представляете и даже явно отрицаете». Рассуждение такого типа послужило, в частности, обвинению Декарта в атеизме со стороны Воециса под тем предлогом, что он якобы наглядно доказывал существование Бога. Такого рода философствование уничтожает саму философию. Остается выбрать между кажущимся затишьем в научных дискуссиях и абсурдными схватками на телевизионных площадках.

4. Означает ли это, что таким образом нет основания ни для отвержения, ни для критически обоснованного принятия того или иного философского тезиса по поводу философского текста? Как раз, напротив, здесь возможны два типа аргументации – с помощью факта и с помощью разума.

С помощью факта: необходимо, если это возможно, в качестве подготовительного приложения к основной дискуссии,

внести правки в неточные ссылки, исправить очевидно или потенциально спорные интерпретации текста, при случае принося в дискуссию иные, неизученные тексты. Кроме библиографических отсылок, структуры текстов и перевода, можно и должно подчеркнуть важнейшие очевидности, упрямое игнорирование которых порождает совокупность бесполезных комментариев, выявленных в ожесточенной полемике, например, будто бы не хватает *metaphysiká* у Аристотеля, «негативной теологии» у Дионисия, *argumentum ontologicum* у Ансельма, *analogia entis* (лат. — аналогия сущего. — *Прим. пер.*) у святого Фомы, «субъекта» и «субъективности» у Декарта в концепции *ego, Deus sive natura* (лат. — Бог или Природа, тождество Бога и Природы. — *Прим. пер.*) в «Этике I», *ontologia* в греческом языке до Гоклениуса (1613) и в латыни до Клоберга (1664). Мы говорим лишь о необходимости проведения добросовестной подготовительной работы, в которой мог бы проявиться дух полемики, об учености и честном удовольствии. Однако, конечно, в этих деликатных уточнениях еще ничего не решается.

Серьезные вещи начинаются тогда, когда читатель воспроизводит оригинальность и силу доказательства, в некоторых случаях достигая абсолютно нового успеха по сравнению с достижением интерпретатора, и пусть он думает, что фактически идет дальше того вывода, который удалось сделать последнему. В этом случае дискуссия не превращается в подобие петушиного спора, срывающего аплодисменты некомпетентной публики, а разворачивается по поводу сущностно важного — новой истины, уже установленной и проверенной с помощью интеробъективности, обеспечиваемой двумя (и более) беспристрастными совпадающими друг с другом взглядами. Может ли в этом случае дискуссия идти дальше и шире того, что предвидел ее инициатор? Несколько примеров: ведет ли важность доктрины создания вечных истин к простой оппозиции «сущего» и «бытия», или же она окончательно закрывает вопрос об аналогии? Предполагает ли представление о Боге в глубине современной метафизики развитие августиновской иллюминации или же, приписывая ее божественному Слову, оно радикальным образом универсализирует характерную для бытия в целом интерпретацию, которую устанавливала картезианская революция? Разрыв между *causa* и *ratio* указывает на простой «латентный период принципа достаточного основания» или на неопределенность границ применимости теории причинности и ее замены синтетическим единством трансцендентальной апперцепции? Свидетельствует ли «смерть Бога» об атеизме в метафизике или же, напротив, она вновь ставит вопрос о Боге как таковом в противоположность приписываемому метафизике концу? Наконец, феноменологическая редукция ведет исключительно к сущему или к бытию, или,

быть может, ее задача состоит в выявлении чистого данного в сознании? Когда сталкиваешься с подобными тезисами, речь не идет ни об их одобрении, ни об их жесткой критике (известные интерпретаторы хорошо знают изучаемые ими тексты и «ошибаются» не чаще философов, которых они читают), но о том, чтобы рассмотреть возможность их более широкого применения.

Исходя из общего правила для того, чтобы серьезно обсуждать интерпретацию в истории философии, необходимо провести различие между: а) истинным тезисом (точным с точки зрения факта и значимым с точки зрения концепта); в) неточным тезисом (с точки зрения факта), но рационально обоснованным (с точки зрения концепта) или, наоборот, точным (с фактической точки зрения) и ложным (концептуально); и с) неточным с фактической точки зрения тезисом и рационально не обоснованным с точки зрения концепта. Первые остаются употребимыми в новых условиях, непосредственно или косвенно; последний же вовсе непригоден, а потому нет необходимости его рассматривать.

Сложность текстов и тонкость вопросов часто ведут к тому, что ядро одной и той же интерпретации переходит от одного автора к другому: так рождается историко-философская школа (на ум приходит интерпретация Декарта Марбургской школой, которая сначала ограничивалась доскональным изучением «Правил для руководства ума» и первой «Критики»). Подобно тому, как много времени требуется на выработку аргументов, так и учение этой школы, долгое время не имевшей ничего общего с идеологией, оставалось абсолютно правомерным.

5. Признание существования новых интерпретаций всегда зависит от ничем не ограниченной, свободной и компетентной интеробъективности, от *res publica litteraria* — коммуникации во время узконаправленных коллоквиумов, утверждающих соответствие текстов выступлений ограниченной, но четко поставленной задаче, — от долгого преподавания, позволяющего в процессе постоянного повторения убеждаться в истинности или ложности выдвинутых положений, — все это разворачивается в разнообразной, обязательно интернациональной группе собеседников. Обеспечиваемой таким образом интеробъективности противостоит идеологическая интеробъективность, объединяющая лишь гомогенные кружки людей, в которых господствует принцип «Никто, кроме нас и наших друзей, не обладает разумом», что является простым супплетивным дополнением к амбициям и консерватизму.

III. Изучаемый текст

История философии, конечно, должна стремиться к тому, чтобы оставаться философичной. Однако это не должно служить оправданию лени, поскольку история философии

должна быть, прежде всего, научной. Для того чтобы обосновать себя в качестве научной дисциплины, она должна постоянно *приумножать обоснованные знания*. Никакое новое знание не может рассматриваться без освоения предыдущего — это длительный, порой выматывающий процесс накопления знания. В противном случае новое знание становится либо произвольным в своем первоначальном отправлении, либо повторением прежних апорий и, что еще хуже, — повторением уже принятых решений, что является признаком идеологии и академизма.

1. Приумножение знаний требует никогда не экономить на работе с текстами. Ни одно новое прочтение не может быть необходимым, если оно в той или иной степени не покушается на изменение изучаемого текста. Даже наиболее известные тексты зачастую требуют дополнительной корректировки (например, Декарт АТ X, 378, 1, и АТ VII, 79, 16). За очень редкими исключениями, серьезного интерпретатора отличают по его филологическим пристрастиям. Если *a fortiori* опираться лишь на переводы, на туманные референции и т.п., то это дисквалифицирует всякое герменевтическое требование. Далеко не все интерпретаторы ему следуют.

2. Что касается самого текста, то необходимо не только разобратся в напечатанных страницах или тех, которые с рациональной точки зрения заслуживают того, чтобы их напечатали, но и во всех прочих средствах, позволяющих приблизиться к нему (тексту. — *Прим. пер.*) аналитически или статистически. Так, число *индексов*, указывающих на встречаемость (тома, страницы, строки, порядка слов в строке и т.д.) абсолютно, а их частота относительна; они указывают также на недостатки, *гапаксы* и низкие частоты. Также указатели слов и цитат, встречающиеся в других книгах, подчеркивают эквивокальность концептов, сильных синтагматических связей между терминами («концептуальные ячейки»), хронологического развития и т.д. В некоторых случаях индексы и указатели применимы к двум различным естественным языкам, даже к большему числу (например, у Лейбница), и показывают, что порой термины одного языка не находят даже у одного и того же автора четкого соответствия (отсюда непереводаемые термины, содержащиеся в произведении). Необходимо признать, что никакая история философии не может сегодня пренебречь этими средствами. Кроме того, не стоит ни переоценивать их, ни заблуждаться по поводу их полезности, поскольку, без сомнения, они не способствуют (с нашей точки зрения, за еще более редкими исключениями) никакому позитивному открытию. Так, статистическое исследование, проведенное с использованием этих средств в нескольких известных случаях (Фома Аквинский, Мальбранш, «Интеллектуальный европейский дискурс» или «Богатство французского

языка» и т.д.) привело лишь к тому, что статистически подтвердился значительный рост лексики, а технически не оснащенное чтение в течение долгого времени было неэффективным. Короче говоря, полезность этих инструментов остается негативной. Они никогда не придают законной силы новым интерпретациям, но почти всегда позволяют отвергать новые опасные гипотезы, демонстрируя, что ни один текст не удостоверяет мнимого концепта (нет больше «субстанции с единственным атрибутом», как и *fundamentum inconcussum* (лат. — незыблемого основания. — Прим. пер.), в том числе рассматриваемого как раздвоение (на два *cogito*), он также не обосновывает анахронизм («субъективность», «сознание» и т.д.). Таким образом, может быть проведено различие между текстом и тем, что седиментация комментария не перестает к нему добавлять или в нем заменять: лучшей иллюстрацией является отсутствие «*cogito ergo sum*» в «Рассуждениях», в латыни более не говорится о *metaphysicae*, но о *prima Philosophia*. Иначе говоря, имеющийся у нас в наличии текст (мы намеренно избегаем варварского обозначения вроде *гипер-текста*, который, впрочем, имеет отношение лишь к дополнительной электронной подпорке) в значительно большей степени служит тому, чтобы устранять и признавать недействительным (согласно квази-попперовской эпистемологии), нежели утверждать и изобретать нечто новое. Нет никакой опасности: он никоим образом не лишает рискованной возможности интерпретации и необходимости культуры, напротив, он их утверждает, подобно тому, как вторая часть связки утверждает наличие первой.

3. Данные о большинстве наиболее крупных авторов, которыми мы располагаем благодаря надежным, если не исчерпывающим библиографиям (критическим или некритическим), представленным в периодических изданиях или в отдельных сборниках, расширяют даже само понятие текста в истории философии. Отныне под текстом подразумевается не только совокупность написанного философом, собранного с помощью доксографии (в процессе изучения с учетом аутентичности и при необходимости косвенных свидетельств), но также история его интерпретации. Сама эта история предполагает несколько элементов, которые порой трудно разделить: **а)** новые знания, которые модифицируют в определенной степени реальность текста или же добавляют к нему окончательно установленные источники: комментарий к классическому тексту, не учитывающий критические издания, вышедшие после его опубликования, более не принимается; **б)** образцовые интерпретации современных рецензентов, не только французских, но и иностранных: невозможно не принимать во внимание второисточники на английском (хотя большая часть англосаксонских текстов до сих пор неизвестна в Европе, мы должны учитывать результаты на-

ших исследований, осуществленных американцами), немецком (несмотря на уменьшение степени международной открытости этого региона), итальянском (в условиях постоянной экспансии все время развивающегося знания), голландском, иногда испанском, конечно же, русском, польском, венгерском, румынском языках и т.д. Преобладание рецензий на иностранных языках становится все более и более определяющим фактором, и если наличие мультиязыковой библиографии еще ни о чем не свидетельствует, то ее отсутствие обесценивает исследование окончательно. Интернационализация научного сообщества без сомнения предъявляет больше требований к гуманитарным наукам (и к философии в частности), нежели к так называемым точным наукам (в которых преобладают англоязычные источники); с) наконец, интерпретация философа должна интегрировать историю его интерпретаций и его прочтений последующими философами, особенно философами того же уровня, какими бы ни были их намерения, полемики или недопонимания. Например, прочтение Декарта Паскалем, Спинозой, Мальбраншем, Локком, Лейбницем, Кондильяком, Вольфом, Кантом, Шеллингом (а также Фихте), Гегелем, Шопенгауэром, Марксом, Ницше, Гуссерлем, Бергсоном и Хайдеггером, а также Левинасом, Анри и «аналитиками» открывает большие перспективы и возможностей по сравнению с интерпретациями простых комментаторов, лишенных каких-либо оригинальных философских замыслов (не стоит их в этом укорять, но имеет смысл это признать). Так, если интерпретатор допускает, произвольно (наивно претендуя на объективность) или непроизвольно (по незнанию), абстрагирование от этих канонических герменевтик, есть все основания утверждать, что он ограничится повторением того или иного толкования без оценки его возможных пределов, подкрепляя его идеологически и рискуя при этом оказаться в плену архетипических противоречий.

4. Расширение текста и герменевтической библиотеки требует также не отделять историю философии от других параллельных историй, которые подчас могут пролить на нее свет, хотя они, к сожалению, часто остаются неизученными. Так обстоит дело с историей искусств, наук, права, литературы и, что примечательно, теологии. Теоретические парадигмы оправдывают себя в истории философии благодаря достигаемым ими результатам, поэтому нет никаких оснований отказываться от обращения к концептам и проблематикам, происходящим из теологии, в частности, христианской. Важно то, что начиная с I в. до н.э. любая западная философия должна была сопоставлять себя с христианским откровением и могла проявлять себя позитивно или негативно лишь в диалоге с ним. Как писал Декарт, все философы заслуживают называться «христиански-

ми философами» (АТ VII, 3, 6), особенно если они, можно добавить, подобно Ницше и Хайдеггеру, отвергают христианство (А. де Любак). Немецкий идеализм может и даже должен быть прочтен как Страстная Неделя для философов (К. Тильбетт), не рискуя потерять свою спекулятивную свободу. Если бы история философии абстрагировалась от теологических вопросов, то ей, очевидно, не хватало бы понимания многих аспектов изучаемых концепций. Опыт подтвердил это на множестве примеров.

5. Такое расширение и углубление философского текста, выбранного для изучения, предполагает длительный анализ (тогда как в действительности формулирование еще необоснованного тезиса осуществляется в очень короткие сроки, что создает серьезное препятствие на пути исследовательского прогресса и объясняет относительность блага, приобретенного в результате успешного завершения исследования). Однако в то же время это говорит о том, что выбранные способы организации этих материалов и используемые методологические средства всегда свидетельствуют об уже чисто философских решениях. Это происходит не потому, что история философии становится более научной и действенной благодаря наращиванию научного знания, из чего следует, что она становится менее философичной и спекулятивной, а как раз напротив, она должна стать еще более спекулятивной, поскольку в ее обязанность входит еще большее управление знаниями. Концепт не основан на незнании, а легкость мысли никогда не ведет к большей учености.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Marion J.-L.* Quelques règles en l'histoire de la philosophie // *Les Études Philosophiques*. – Paris: PUF, 1999, № 4. – P. 494 – 510.

² В противоположность другим исследованиям – таким, как: «Утверждение разрыва: Декарт в прочтении Жильсона» («L'instauration de la rupture: Gilson à la lecture de Descartes») в книге М. Куратье «Этьен Жильсон и мы: философия его истории» (*Couratier M.* Etienne Gilson et nous: la philosophie de son histoire) или «От схожего к тому же самому» («Du pareil au même»), или «Как Хайдеггер позволяет переделать историю философии?» («Comment Heidegger permet-il de refaire de l'histoire de la philosophie?») в книге М. Аар «Херн. Хайдеггер» (*Haar M.* L'Herne. Heidegger. – Paris, 1983) и более позднее: «Об учетверенном методе прочтения философских текстов – изобретение Анри Гуйе» («D'une quadruple méthode pour lire les textes de la philosophie – la pertinence d'Henri Gouhier») в книге Д. Ледюк-Фаетта «Взгляд Анри Гуйе» (*Leduc-Fayette D.* Le regard d'Henri Gouhier. – Paris, 1999).

³ Имеется полдюжины таких работ, а также аннотированный перевод и комментарий к «О серой онтологии Декарта» («Sur l'ontologie grise de Descartes», 1975) и «Картезианские вопросы II» («Questions cartésiennes II», 1996).

Перевод с французского А.В. Ястребцевой.

Окончание следует